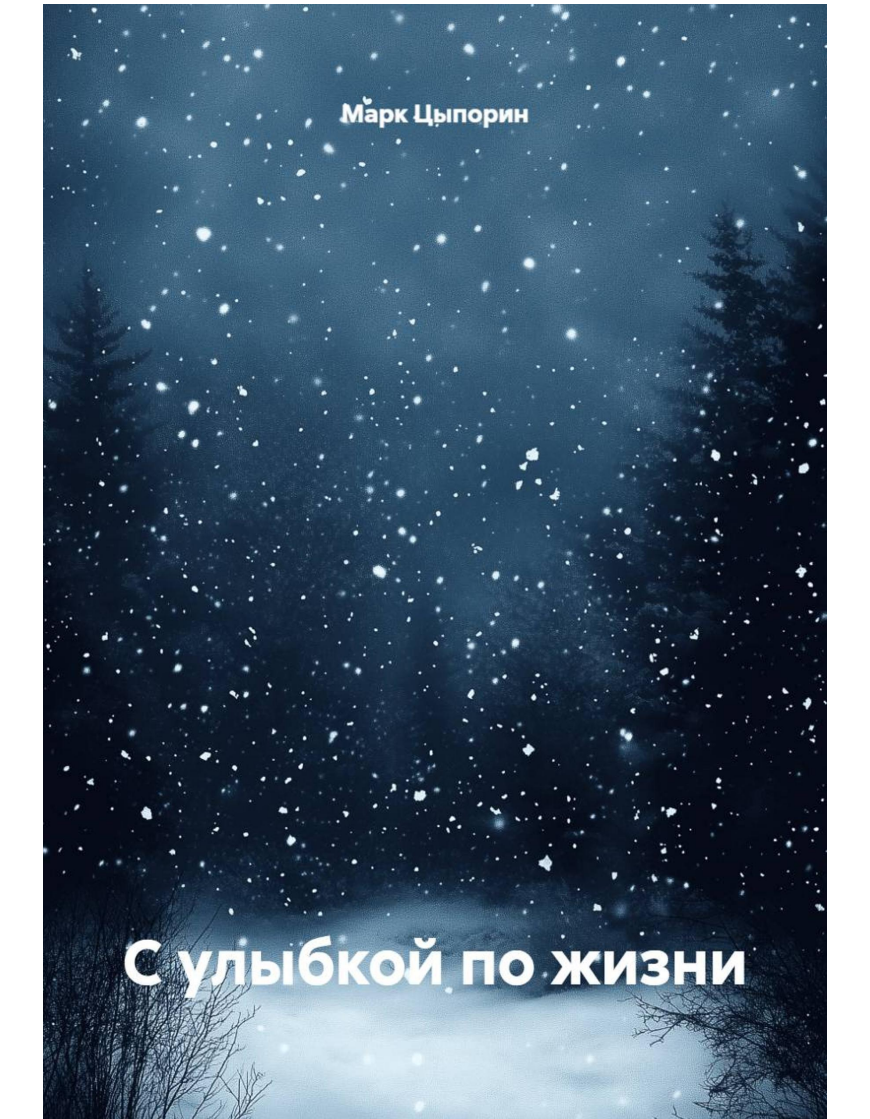

Марк Цыпорин

С улыбкой по жизни

Марк Цыпорин

С улыбкой по жизни

<https://litres.ru/74622259>

SelfPub; 2026

Аннотация

О жизни, о событиях и людях, которых я встретил за 60 лет с момента призыва в армию - с юмором и иронией.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марк Цыпорин

С улыбкой по жизни

Глава

С улыбкой по жизни

О тех, с кем свела меня судьба, о том, что не хочется забывать.

Цыпорин Марк — ироничный наблюдатель.

Лейкинд Анатолий — технический редактор.

Примечание автора: события, имена персонажей изменены. Любые совпадения имён людей и обстоятельств случайны.

Предисловие.

Передо мной лежат страницы с записями моих наблюдений за жизнью и людьми

в течение 60 лет. Для чего они были написаны, кому посвящены и что меня

привлекло в этих людях и событиях?

Родился я в белорусском городе Мозырь, на высоком берегу реки Припять. Осознанно стал наблюдать за событиями и их участниками с момента призыва в армию.

Сеть моей памяти, на рыбацкий манер, имеет крупное очко, в ней задерживаются те, кто чем-то привлёк моё внимание, выделился в ту или иную сторону.

Одних было просто интересно наблюдать, другие помогли определиться в жизни,

благодаря третьим избежал многих ошибок. Воспоминания о них дороги мне, как клад,

зарытый, но не забытый. Говорят, что человек жив, пока о нем помнят, поэтому хотелось,

чтобы их следы подольше оставались на наших дорогах.

О событиях вокруг нас написано много, мне же было интересно наблюдать реакцию

людей, поведение в разных бытовых ситуациях, подсвечить некоторых своих современников, с которыми довелось жить и работать рядом. У каждого из них была изюминка, иногда и червоточина, что и видели мои ироничные, порой циничные глаза.

Моя семья много лет прожила в Советском Союзе, там тоже были хорошие моменты, мы были неплохо устроены, но нельзя жить прошлым, вот уже 36 лет находимся в Израиле. Здесь мы поняли, что невозможно идти вперед с головой, повернутой назад.

Жизнь наша здесь мало чем отличалась от судеб соплеменников. Приступив к этой книге, я не стал фокусироваться на тяготах переезда в другую страну, делиться опытом старо-

жила, мне не нравится менторский тон. Мне тоже пришлось хлебнуть лиха, но всегда была больше по душе смешная сторона событий. Так и идут по свету рядом белое и черное, грусть и смех, молодость и старость. А языком нашим будет юмор, иногда черный. Водитель автобуса смотрит на бегущую к нему растрепанную женщину с сумками, загадывает вслух: „Успеет или нет, успеет или нет?“ Потом трогается с сожалением:

„Эх, не успела!“

Вот человек пытается догнать уходящий поезд, извергает нецензурные выражения, затем в отчаянии пинает свой чемодан, считая его виновником беды.

Для наименования автобусной остановки в нашем районе у чиновников хватило ума подобрать название „Кладбище.“ „Куда едешь?“, „На кладбище.“ А почему бы не дать имя „Последний привал“, „Приют странника?“ Смех-это лучшее лекарство от многих недугов, кроме, пожалуй, венерических.

Если кто-то прочтёт эту книгу и улыбнётся с моими героями, значит, время затрачено не даром.

Глава 1 Годы, изменившие мою жизнь.

\ В том далёком 1965 г. произошло несколько больших и малых событий. Если первый выход человека в открытый космос и начало войны во Вьетнаме всколыхнули всех лю-

дей, то мой призыв в армию заметили только близкие.

Попал я в учебку радиолокационных специалистов в г. Минске. Менее подходящего для меня занятия, учитывая мои гуманитарные наклонности, подобрать было невозможно. Это была область, которую я физически не воспринимал. Стало ясно, что в советской ПВО будет очередная дыра. Взгляд на схему любого блока РЛС был для меня сильнейшим снотворным.

Сейчас, через 60 лет, преодолевая стариковскую бессоницу таблетками, я уже с симпатией вспоминаю те схемы.

Тогда же, завидев меня спящим на занятиях, комвзвода надевал на стёкла моих очков

красные бумажки и кричал: „Тревога, пожар!!.“ Я ошалело взлетал под дружный смех взвода.

Несмотря на явное несовпадение армейского профиля с моими влечениями, армия обогатила меня знаниями, которые невозможно получить вне её стен. Так, меня не шокируют

армейские выражения, которые являются коктейлем из специфического юмора, абсурда, рационализма и безграмотности:

- или вы перестанете курить, или одно из двух;
- забор как вчера упал, так и стоит;
- вы живёте тут, как свиньи в берлоге;
- я не пойму, кто есть чем и для зачем?
- ну что стоите, как коровы в болоте?

Каждую неделю нас водили строем в баню. Банный наряд предварительно проводил санитарную обработку помещения, которая заключалась в шланговом поливе полов холодной водой. Грибок на ногах был самой распространённой болезнью солдат.

В батарее призыв был наполовину из Белоруссии и Сибири, Алтайского края.

Одним банным днём я обратил внимание на описывающего вокруг меня круги Генку Кононова, очень маленького алтайца. Его юркие китайские глазки выявляли яркий интерес к моему зад. У нас состоялся содержательный, по-моему, диалог:

- Гена, отчего это ты описываешь круги и пялишься на мой зад? Неужели ты голубой, так сильно замаскировался? И на мою заднюю полусферу не заглядывайся, не для тебя цвела!

-Почему я голубой, на Алтае это не принято. Скажи, ты будешь из этих-то, евреев?

-И что тебя во мне так заинтересовало, неужели хочешь веру поменять? Если да, то сначала тебе надо пройти обрезание, можно прямо здесь, согласен?

-Нет, у нас говорят, что евреи с хвостами, человеку привалит счастье, если за хвост подержать, а я у тебя не нахожу его.

-Опоздал ты, дружок, я продал его врачам на Алтай ле-

читать население от глупости. У вас есть кино, телевизоры?

-Конечно, у нас всё есть.

-А тебя что, из пещеры вытащили, почему такой дремучий? Ты в школе учился, книги читал? Или букварь скурил в первом классе? Мой тебе, дружище, совет. Иди к начальству, придумай серьёзную причину, просись в отпуск. Тебе надо успеть в больницу, пока ещё хвост не закончился, пройти курс лечения в Барнауле. Если не поедешь, не полечишься, то останешься единственным придурком на весь Алтайский край.

Мой маленький приятель отошёл, сильно разочарованный ускользнувшим счастьем. А ведь удача была рядом. Эх, не судьба!

Мне нравился легким, веселым нравом кемеровчанин Володя Колобов.

Худошавый, выше среднего роста, с черными плутовскими глазами, он обладал неким артистизмом, который проявлялся иногда довольно странно.

В увольнении, убедившись в отсутствии патрулей, Володя мог подойти к любому дому этажей в 10-15, задрать голову и кричать кому-то наверху: „А ну, слезай, чего ты залез, чудак, свалишься! Слезай немедленно, а то вызову милицию!!“

Мгновенно вокруг собиралась толпа зевак, выискивающих невидимого верхолаза. А Володя с энтузиазмом приседал, поворачивался к дому то одним боком, то другим, то опять кричал, изображая безмерную тревогу.

Людей прибавлялось, Колобов зорко следил, как наперсточник, за улицей, могли прибыть патрули и милиция. Встреча с ними ничего хорошего артисту не сулила, кто-то из активных граждан уже вызванивал стражей порядка и пожарных с вышками.

Тем временем, зачинщик всего этого представления, выскользнув из толпы, благоразумно удалялся на безопасное расстояние и хохотал издали над сборищем дураков.

Прибытие полиции добавляло интриги, составлялся протокол происшествия, находились свидетели хулиганства, кто-то даже видел кого-то. А наш актер шел по улице с ощущением звезды Голливуда на красной дорожке в Каннах.

Одним из наиважнейших элементов солдатской жизни является столовая. Мы рассаживались за десятиместными столами, где расставлялись по два алюминиевых бачка литров по 6-7 каждый. В них на кухне накладывалось и наливалось второе и первое. В обоих

бачках было на два пальца свиного жира, в таком виде пища стояла долго, не остывая.

Отменным аппетитом за нашим столом отличался Леша Шмых, деревенский парень из-под Могилёва. Был он ростом под метр девяносто, но катастрофически худой.

Зная его непомерный аппетит, старший кухонного наряда ставил перед Лехой бачок с пюре. На дне, под пюре лежала

котлета, но съесть ее можно было только после ликвидации картошки. Сам же сержант садился напротив едока и любовно наблюдал за битвой Шмыха с бачком, удовольствие было разлито на его лице.

Такие способности Алексея мало влияли на его конституцию, куда вся эта масса пищи проваливалась? Его пищеварительный тракт, наверное, представлял собой прямую кишку большого диаметра. На выходе из столовой стояли мешки со ржаными сухарями, наш герой никогда не обделял их вниманием.

Шмых всегда шел первым в строю, голенища его сапог на костлявых ногах хлопали, как революционные знамена на октябрьских шествиях, на потеху курсантов. Всегда находился кто-то, у кого под такую „музыку“ появлялось желание в эти голенища что-то забросить. И тогда над колонной взмывал гнусавый голос: „Таварыщ сяржант, у мае сапа-ги хтось кидает каменни!“. Строй мгновенно останавливался, бедолага на обочине вытряхивал сапоги.

Сержант пытливо вглядывался в лица, как лагерная охрана перед строем заключенных при обнаружении подкопа.

Желающих сознаться не находилось, все преданно смотрели в глаза командира, ангелы и только. Ну кто же по доброй воле согласится полночи драить туалет?

Армейская пища быстро приедалась, но возможности что-либо купить не было. Да и деньги у нас не водились. Один из курсантов минчанин Куфистов хорошо знал окрест-

ности нашего района. Он и подсказал идею совершить налет на совхозный сад в пяти километрах от части. Мысль была встречена всеми на ура, разнообразить пищу хоть чем-нибудь было мечтой.

Куфистов отобрал еще пятерых добровольцев покрепче, под стать себе. Часа через полтора после отбоя шестеро бойцов преодолели трехметровый забор и двинулись дворами в направлении сада.

Что такое 10 км для молодых парней, уже забывших вкус фруктов? Мелочь, особенно

для сибиряков, неизбалованных витаминами в те годы.

Проникнув в сад, солдаты легко договорились с охраной, сторожа с собаками ушли,

предварительно показав места с более зрелыми и вкусными плодами. Группа не устояла перед висящими яблоками, грушами, перво-наперво отведали сами. Набив вещмешки фруктами, груженные бойцы двинулись в обратный путь, подгоняемые ароматами

за спиной. Шли тоже дворами, чтобы не встретить патрулей, которых было много в

Заводском районе Минска.

Голодные до фруктов курсанты с нетерпением ждали экспедицию с заветными плодами.

Расположились с тыловой стороны, где отсутствовали окна, наблюдение вели дневальные, уже отведавшие угощение, они же и убрали затем все следы.

О такой мелочи, как мытье фруктов, никто и не думал, они ушли под молодыми зубами, как вода в песок. Казавшийся поначалу большим, улов улетел в минуты. Желудки белорусов, более привычные к дарам природы, переварили их нормально.

Сибиряки же, особенно участники налета, что обиднее всего, наутро дружно оккупировали деревянный десятиместный толчок рядом с казармой.

Командир нашего взвода старший лейтенант Болбаков, среднего роста, худощавый был любителем бегать кроссы, в выходные дни он в одиночку бежал по 12-15 км. Он

напрасно полагал, что перспективы марш-бросков на 6 км с автоматом, шинелью в скатку, подсумком с рожками, сумкой с противогазом переполнят нас счастьем. При этом его нагрузку составляли пистолет в кобуре да легкие сапоги. Правда, по ходу марш-броска нам разрешалось иногда переходить на быстрый шаг.

Отстающим он грозил повторить забег через неделю, угроза была малоприятной, поэтому под взглядами солдат в его спину удивительно, что гимнастерка офицера не загоралась.

В один из августовских дней батарею выстроили на плацу, комбат майор Казанцев, сухощавый среднего роста объявил о выходе на стрельбище. Голос у него был сухой, надтреснутый, со скрипом, как давно не смазанные петли.

Он провел краткий, на армейский лад, то есть без выбора выражений, инструктаж:

- курсант, почему стоите ко мне спиной, когда я смотрю вам в лицо?;

- наводку вести по мушке, это деталь оружия, а не то, что летает;

- выстрел производить между выдохом и вдохом;

- не спешить, целиться тщательно, случайно в цель попадают только сперматозоиды.

Затем комбат скомандовал старшине: „Гулаган, веди батарею!“. Старшина вышел вперед: „Батарея, равняйся, смирно! Напра-во, шагом марш, шире шаг! Запевай! Почему зад не поет? Зады, веселее, почему идем, как бараны?! Левой, левой!“

На стрельбище старшина, выстроил батарею в шеренгу по четыре и показал ораторское мастерство:

- с оружием быть осторожным, автомат в руках дурака-это трагедия;

- на огневом рубеже не валяться, не лошади;

- на рубеже автомат ставить на колено левой руки;

- всем мозги переставить из задницы в голову;

- для особо одаренных: мишень-это то, что прямо, не слева, не справа.

В стрельбе особо отличился Караваев, выбивший больше всех. Сказался дед-охотник, натаскивавший внука в тайге. Победителя премировали увольнительной в город на

зависть остальным.

Но увольнение обернулось для Караваева бедой. Зазноба подарила сибиряку белорусскую лобковую вошь.

Некоторые расчесывают места расселения незваных гостей исподтишка, но наш бедолага делал это демонстративно. Он был вполне уверен в сочувствии и солидарности товарищей.

Как же он ошибался!! Наши двухъярусные койки стояли вплотную, между каждой

четверкой коек были узкие проходы. Яростное чесание Караваева отнюдь не добавляло

оптимизма окружающим. Острее всех ситуацию воспринял Боря Малыхин, высокий атлет из Мариинска.

Он был старше нас, женат, имел ребенка. Всех во взводе Боря звал сынками, а с моей

легкой руки к нему приклеилось прозвище Папа. Малыхин ждал приезда жены, поэтому

соседство со вшивым земляком его никак не устраивало. Видя то, что офицеры не спешат с

устранением очага заразы, курсанты взялись сами за решение проблемы.

Под руководством Папы был разработан план. Ночью группа близких соседей

прелюбодея с Борей во главе под сдерживаемый смех батареи в полной тишине вынесла

гуляку вместе с его койкой и „квартирантами“ в осеннюю ночь.

Приближался дождь, первыми ощутили изменение обстановки гости Караваева,

которые проснулись раньше и разбудили хозяина.

Первые тяжелые капли ударили по койке и привели лове-
ласа в истерику, его дикий

воплъ долетел до дежурного по части, который примчал-
ся, как рысак.

Запыхавшийся капитан сначала приказал убрать с дождя
кровать, затем выстроил

батарею в шеренгу. Ходил вдоль строя, пытливо взгляды-
ваясь в застывшие лица, извергая

малосвязанные с ситуацией перлы:

-поставить всех отсутствующих в шеренгу;

-почему сапоги грязные, их чистить надо вечером, а натя-
гивать утром на свежую голову;

-попали в армию, здесь вам даже мамка с волосатой рукой
не поможет;

-того, кто вынес койку, надо разорвать, как черепаху!;

-знайте, я разберусь и накажу кого попало!

-ну что молчите, тут вам не гестапо, пора открывать рты!

Такая аргументация не способствовала откровениям, най-
ти виновных в выносе

Караваева с его обитателями не удалось. Наказаны были
дневальные, которые „ничего не

видели и не слышали“, они якобы занимались уборкой помещений.

Пострадавшему от непрошенных „гостей“ и несолидарных соседей было утром

выделено место за ширмой, в углу казармы. В столовую он ходил и ел в одиночку.

Тем временем приблизился выпуск из школы и распределение по разным округам армии.

Глава 2. Черт.

В октябре меня и еще шестерых курсантов отправили на Дальний Восток, в штаб ДВО, г. Хабаровск.

Старшим команды был лейтенант, ехавший в купейном вагоне. Мы же семь суток „отдыхали“ в жестком вагоне на полках, где и матрацем, и одеялом была шинель. Думаю, что наше состояние на перроне Хабаровского вокзала понятно всем. В штабе округа мне было предписано прибыть в полк зенитных ракет, в поселок Раздольное, располагавшийся между Уссурийском и Владивостоком. Посёлок представлял

собой практически одну улицу длиной 12 км., зажатую между рекой Суйфун и сопками.

От главной улицы в сторону сопки поднимались короткие

тупиковые проулки.

В этой котловине постоянно, как в аэродинамической трубе, дул ветер, от которого было не спрятаться, особенно зимой.

Из штаба полка меня направили в батарею ремонта РЛС, где я доложил о прибытии командиру батареи капитану Завадину. Встреча прошла точно так, как я и предполагал годом ранее. Капитан, высокий, стройный брюнет с умными глазами, в тщательно отглаженной форме, предложил мне сесть и стал вопросами определять уровень моих познаний. Я не хитрил и откровенно рассказал ему о моем отношении к той аппаратуре, которую ремонтировало его подразделение. Офицера озадачил мой ответ и он спросил, для чего я пошел в армию.

Мой ответ был таким: „Во-первых, защищать страну, как умею, во-вторых, стать мужчиной, а в-третьих, меня никто не спрашивал о моих пристрастиях, может, в другом месте от меня было бы больше пользы. Это вина не моя, а бюрократии военкоматов.“ На лице Завадина ничего не отразилось, но, очевидно, встала задача моего использования.

Несколько недель я исправно ходил в наряды в караул, на кухню, в охранную команду,

которую каждая воинская часть по графику отправляла в гарнизонную гауптвахту. Шло мое

знакомство с жизнью полка, нашлись даже земляки, постепенно наступала зима.

Одним из первых моих знакомцев оказался иссиня-черный пес с говорящей кличкой

Черт. Никто из старожилов не помнил, откуда взялась эта лохматая огромная дворняга,

поведение которой полностью соответствовало прозвищу. Особенностью Черта была

способность возникать ниоткуда и также исчезать, он никогда не лаял, был миролюбив.

Неожиданное бесшумное появление черной тени на посту в ночное время приводило

часовых в полное замешательство. И что ему по ночам не спалось в заботливо обустроенной хозвзводом будке? Возможно, у собак тоже есть стариковские проблемы со сном?

Собачья конура находилась недалеко от кухни, которая была объектом его внимания весь

день, а по ночам он переходил на беговую физподготовку по территории полка. Его не

заботило то обстоятельство, что какие-то участки находятся под вооруженной охраной.

Пес хорошо знал распорядок работы столовой, построения солдат возле казарм были

для него сигналом скорого угощения. Он терпеливо ждал

своего часа, выноса остатков.

Звериное нутро свое он проявлял только рычанием на того, кто неосторожно приблизился

к его бадье с пищей. Сам же Черт бывал неоднократно изгнан из свинарника за чрезмерный

интерес к тому, что привозили свиньям, считая хрюшек своими конкурентками.

В один из дней солдаты заметили, что рядом с Чертом появился нежелательный усатый

сосед. Кота в пару с псом назвали Бес, как еще можно было назвать котяру, который не боится Черта. Нежелателен он был тем, что пытался покуситься на чужое.

Это сильно нервировало собаку, она бросалась на рейдера, но Бес был удивительно

проворным и спасался прыжком на крышу собачьей будки. Здесь он чувствовал себя в безопасности и философски поглядывал на взбешенного Черта.

Ежедневные поединки надоели дворняге и вскоре она без симпатии, но терпела Беса, не лаяла на него, тем более у кота была своя миска. Но кот он никогда не упускал из виду Черта, спал в безопасном месте, в нише под крышей столовой. Солдаты там оборудовали усатому

укрытое убежище для ночлега, а зимой пускали в столовую, где в чулане было для него теплое местечко.

Черт продолжал свои ночные рейды, он меня чуть не довел до сердечного удара.

Шла вторая половина ноября, была тихая слегка морозная ночь. Небо усыпано

звездами, ни крика, ни шороха, ни ветерка.

Мой маршрут на посту пролегал метрах в тридцати от здания склада. Дорожка была протоптана часовыми в снегу, по обеим сторонам ее росли невысокие, но густые

кусты. Одет я был по сезону: длинный до пят тулуп и валенки. При смене часовых тулуп,

как эстафетная палочка, переходил к другому часовому, всю зиму оставался на посту.

Надо было такому случиться задолго до смены караула, что крайне несвоевременную активность проявил мой желудок. Обед и ужин завершили свой нормальный цикл и потребовали выхода наружу.

Уборные в те времена на постах не были предусмотрены, не знаю, как сейчас. Пришлось устроиться в стороне, в снегу.

Можно себе представить полное безмолвие, я любовался небом, разглядывал звезды.

Было ощущение того, что находишься один во Вселенной, лежишь рядом со звездами.

Как вдруг мой полет прерывается, чувствую на своих плечах чьи-то руки и тяжелое дыхание прямо в затылок.

Не знаю, как ведут себя другие в подобной ситуации, о чем они думают и думают ли

вообще, что испытывают? Моя же голова была парализо-

вана полностью, это был не страх,

а некое оцепенение, прострация, выпадение из действительности. Силу сердечных ударов

я помню и через десятилетия, будто сердце билось в висках, время остановилось.

Вдруг объятия прекратились, в кустах промелькнула тень Черта. Такого объема

непечатных выражений из меня не исторгалось никогда, я помянул его родню всю с соответствующими пожеланиями.

При таких бесшумных и неожиданных визитах на посты с вооруженной охраной у Черта

была стопроцентная перспектива быть застреленным каким-нибудь излишне нервным часовым.

В конце года прошла демобилизация солдат, выслуживших срок, меня перевели в котельную ремонтной батареи. Моими обязанностями было поддержание теплового режима с 18-00 до 8-00 в здании.

Черт знал дорогу ко мне, более того, умел открывать незапертую дверь. Как и мой предшественник, я подкармливал его, ел он все подряд, что предлагали. Дворняга любила зимними ночами поспать на коврике у котла.

Еще одним любимым занятием Черта было непременно присутствие на всех полковых построениях. Он всегда сидел на левом фланге шеренги, строй не нарушал. Кто знает, может, в прежней жизни пес был прапорщиком? Командиры смотрели на это сквозь пальцы, считая неким талисма-

ном.

Вот только на время инспекторских проверок Черта упрятывали сначала в заброшенный сарай подальше от глаз. Потом он расхотел туда заходить, не помогали даже приманки и лакомства, нашлось другое решение. Его стал забирать с собой прапорщик Сморгун, живший рядом с частью в собственном доме.

Но после завершения проверок и выхода на волю Черт наверстывал упущенное, с удвоенной энергией обегал территорию части, помечая свои владения.

Глава 3. Капитан, капитан, улыбнитесь.

Котельная подходила мне по всем параметрам. Все годы службы я готовился к экзаменам в университет, использовал для этого свободное время. Котельная предоставляла такие возможности больше.

До полуночи я топил в обычном режиме, потом топка забивалась углем, регулировалась

тяга. Можно было прилечь на топчан, который был сбит еще во времена японской интервенции в Приморье. В моем районе было несколько охраняемых складов, до караульного помещения, откуда могла появиться проверка, было далеко. Часовые договорились о сигнализации, и с ближних постов приходили ночью греться.

Над топкой я повесил табличку с надписью „Тепло в твоих руках“, смысл ее был неясен

для посторонних и понятен часовым. Те подбрасывали уголь в печь. Утром, когда в батарее собирались ремонтники, надобность во мне отпадала, можно было идти в казарму отдыхать.

Сон беспокойный ночной сменялся спокойным дневным, а японский топчан — солдатской койкой.

Вспоминая армейские годы, я вижу, как некая спасительная рука вела меня по жизни.

К концу отопительного сезона меня перевели в стартовую батарею третьего дивизиона, пошли обычные армейские будни с отбоями и подъемами, нарядами в караул, на кухню, построениями и другими удовольствиями службы.

Во время работ в техническом парке я получил травму руки, с разрешения старшины

пошел в медпункт. Главным там был знакомый мне фельдшер Колычев Володя, худощавый

рыжий парень из уральского Алапаевска. Мы разговорились, он рассказал, что ищет в

медпункт человека на место санитаря. Я его заверил, что руки мои растут из того места, что надо, никакой работы не боюсь.

Полковой врач в это время отсутствовал, Колычев пошел в штаб и решил вопрос о моем переводе в медпункт.

А еще через месяц вернулся врач капитан Шовхет, стройный брюнет с глазами-маслинами. По этим глазам вздыхала добрая половина женщин поселка. Форма на нем сидела, как влитая, как выяснилось потом, он был выпускником Ленинградской военно-медицинской академии.

Страстью капитана было строительство и благоустройство лазарета и прилегающей территории. Он вначале приглядывался ко мне, давал небольшие задания. Ему был нужен предприимчивый исполнитель его задумок, рукастый и головастый.

Первым пунктом в его плане мероприятий было строительство большой беседки во дворе.

Я спросил капитана о наличии пиломатериалов, но он ответил, что это вопрос ниже его уровня. У нас ситуация точно, как в анекдоте, сказал ему. Оказывается, он был любителем анекдотов и веселых историй и попросил рассказать анекдот.

Зверей в лесу замучил медведь своими преследованиями, издевательствам, жить стало

невозможно. Они много раз обсуждали планы спасения, решили пойти за советом к жирафу, он высокий, ему все видно. Все-таки на дверях его кабинета написано „Советник по стратегическим вопросам.“

Жираф их выслушал внимательно и сказал, что медведя надо убить. Звери дружно завопили, что такой исход невозможен, косолапый их одной лапой уничтожит.

Жираф ответил , что как делать — это вопрос тактики, а он стратег. Капитан расхохотался, найдя во мне достойного собеседника, о чем и сообщил мне.

А с пиломатериалами, сказал шеф, он подскажет решение. Затем мы еще много общались, я покори́л его, как оказалось, одесское сердце одним

ответом: „Ой, товарищ капитан, я Вас умоляю, не дрожите диван, Вы лопнете пружины!“

У нас установились хорошие отношения, но без фамильярности. Мне была понятна разница в нашем положении и черту я никогда не переступал. У нас были не только разные этажи, но и разные здания.

Лазарет был вдалеке от центра полка, рядом с контрольно-транспортным пунктом. У нас

были две четырехместные палаты для легкобольных, ходячих, но нуждающихся в изоляции.

В более серьезных случаях заболеваний, травм была предусмотрена транспортировка пострадавших в армейский госпиталь в Уссурийске.

Даже мне, не имеющему медицинской подготовки, было понятно, что для врача с академическим образованием полковой лазарет с его мелкими проблемами не более, чем дисквалификация. Даже более того, мне была понятна причина, из-за которой наш врач оказался в этой дыре.

Моих познаний в строительстве было маловато, как почти у любого городского парня.

Но в мои обязанности входила доставка почтовых посылок больным. Посылок было мало, однако свои походы на почту в 3 км от нас я проводил через дворы домов, где встречались беседки. Они тщательно зарисовывались, кроме этого присматривались места, в которых строители оставили бревна, доски.

Через пару дней капитан повел меня в поселок и показал глазами высокий штабель досок рядом с котельной. Он сказал мне, что брать их следует ночью, но он будет в неведении. „Понятно, товарищ капитан, сладку ягоду рвали вместе, горьку ягоду — я одна.“ Врач рассмеялся и помахал мне пальцем.

Трижды в день фельдшер ходил в столовую снимать пробу блюд. Мы с напарником Вовой

Якушевым сопровождали его и набирали в ведра пищу для больных и медперсонала.

После еды еще много оставалось в ведрах, остатки мы собирали и через день полное

ведро относили соседке через лаз в заборе. Старушка держала поросят, наши ведра были ей

в самый раз. А бабка благодарила нас чайником браги раз в неделю.

В один из вечеров после прогулки с врачом, о которой другие не знали, мы хорошо поужинали с друзьями брагой и наша братия воодушевленная двинулась ночью в поселок.

Бригада в составе двух санитаров и санинструкторов организовано и тихо сделала чужие доски нашими. По сути это не было воровством, материалы из одного государственного кармана перекочевали в другой.

Утром с огромным изумлением (Станиславский бы от зависти запил горькую) наш врач воззрился на гору досок, поинтересовался, откуда столько древесины, не приезжал ли грузовик. И вообще, зачем они здесь нужны?

Я был вдохновителем этого приобретения и заверил офицера в присутствии коллектива воришек, что эти доски были найдены на дороге. Мы даже два дня ждали хозяина, но никто не явился. А из досок можно что-либо построить, как он считает?

Врач ответил, что это надо обдумать, давайте предложения, а пока доски надо убрать подальше и укрыть от дождя. Над предложениями подумайте, голова не только для того, чтобы в нее есть.

Разыгранный здесь спектакль много потерял от отсутствия на площадке группы от театров или кино. Советское искусство понесло невосполнимую утрату.

Из предложенных идей безусловно победило „мое “- надо построить беседку. Капитан

мысль о строительстве одобрил.

То, что мы сами принесли пиломатериалы, а затем обсудили проект, внесло в наши ряды

большую инициативу и энтузиазм. Мы с Якушевым притащили со дворов бревна, мною облюбованные раньше, сходили в сопки и напилили столбиков. Фельдшер Колычев за стакан спирта решил вопрос о выделении нам инструмента, гвоздей и материалов.

Ямы под столбы выкопали быстро, грунт в облюбованном капитаном месте был

легкий. Нижние зачищенные концы столбов обмотали рубероидом, установили их, залили бетоном. Проверили отвесом вертикаль, оставили на ночь.

Все шло под одобрительным взглядом врача. Параллельно мы исполняли и должностные

обязанности, обеспечивали больных питанием, убирали помещения медпункта.

Через три недели большая шестигранная беседка с сидениями, столом, ступеньками

преобразила двор. Покрасили мы ее в цвета, выбранные капитаном.

Беседка стала предметом гордости шефа, а мы своим слаженным коллективом вечером

отметили завершение объекта и стол наш украшал чайник.

Когда в один из вечеров после окончания приема пациентов капитан зашел в беседку,
то обнаружил пол, заплыванный семечками, и пришел в ярость от такого свинства. Мы
быстренько убрали шелуху, а я для успокоения врача рассказал ему подходящий к
ситуации анекдот.

Рабинович в синагоге щелкает семечки, вошедший раввин делает ему замечание, на что тот отвечает, что на семечки имеет разрешение от английской королевы. На немой вопрос раввина последовал ответ. Месяцем ранее Рабинович был в составе туристической группы

в Лондоне, их привезли в Виндзорский дворец, очень шикарное место. И вот там среди сотен

туристов его с семечками заметила королева, поднялся шум.

Королева подозвала руководителя их группы и гида и разъяснила им, что группа находится

в резиденции английских королей, которой тысячу лет, здесь важнейшее историческое место.

Семечки в Виндзорском дворце крайне неуместны. А щелкать их Рабинович может в своей
синагоге.

Капитан расхохотался и успокоился, а мы обещали ему изготовить щит над входом с

с крупной надписью, что вход с семечками разрешен толь-

ко полным идиотам. Врач рассмеялся и заметил, что надпись надо смягчить.

Через несколько дней в лазарет приехал заместитель комполка по тылу подполковник

Круглов, перед которым наш шеф не преминул похвастать новым объектом. Но начальник

тыла приехал в качестве пациента. Фамилия ему очень подходила, несмотря на рост выше среднего, он был плотный, округлый, как свежеиспеченный свадебный каравай с глазурированным верхом. Большое, всегда красное лицо излучало веселье даже сейчас.

Круглов сильно хромал на „футбольную“ правую ногу. Он стал жертвой своей любви к

порядку, попал в ситуацию, которая множество раз повторялась по всему свету. По обычной

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.